

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья

УДК 343.241

doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).2.158-166

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА ИЛИ ГОСУДАРСТВА

Константин Антонович Сыч¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, vladimir_1@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового воздействия на общественно опасные деяния, не являющиеся преступлениями, но представляющие опасность для общества. В настоящее время уголовное законодательство не имеет в своем арсенале достаточных средств воздействия на такие деяния. Предполагается включить указанные меры в уголовное законодательство.

Ключевые слова: наказание, меры социальной защиты, опасное состояние личности, меры безопасности

Для цитирования

Сыч К. А. Превентивные меры уголовного закона, обеспечивающие безопасность человека, общества или государства // *Человек: преступление и наказание*. 2024. Т. 32(1–4), № 2. С. 158–166. DOI: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).1.158-166.

SCIENCE FORUM

Original article

PREVENTIVE MEASURES OF THE CRIMINAL LAW THAT ENSURE THE SAFETY OF A PERSON, SOCIETY OR THE STATE

Konstantin Antonovich Sych¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, vladimir_1@inbox.ru

Abstract. The article examines the problems of criminal law impact on socially dangerous acts that are not crimes, but pose a danger to society. Currently, the current criminal legislation does not have in its arsenal sufficient means of influencing such acts. It is planned to include these measures in criminal legislation.

Keywords: punishment, social protection measures, dangerous state of personality, security measures

For citation

Sych, K. A. 2024, 'Preventive measures of the criminal law that ensure the safety of a person, society or the State', *Man: crime and punishment*, vol. 32(1–4), iss. 2, pp. 158–166, doi: 10.33463/2687-1238.2024.32(1-4).2.158-166.

На протяжении веков в уголовном праве утвердилась позиция, согласно которой только преступление и наказание являются фундаментальными институтами этой отрасли права. Традиционно уголовный закон предусматривал лишь меры наказания, которые применялись в значении правового последствия, совершенного виновным преступлением. Однако в судебной практике нередко возникали случаи, когда совершенные лицом деяния, причиняющие общественный вред, не попадали под квалификацию преступных, или социальное поведение физических лиц либо их психическое состояние представляли повышенную общественную опасность, которая не могла быть устранена средствами уголовной юстиции. Кроме того, система наказаний, применяемая для противостояния преступности, по своей правовой природе, как свидетельствует история развития этого института права, весьма ограничена в потенциальных возможностях оказывать превентивное воздействие на возникающие такого рода ситуации. Еще одно обстоятельство указывает на ограниченность средств уголовной юстиции в контексте разрешения проблем, связанных с опасным состоянием личности, когда юридических оснований применения принудительных средств нет. В связи с этим следует обратить внимание на так называемое неоконченное преступление на стадии его приготовления. Если строго руководствоваться положениями ст. 8 УК РФ, то основанием уголовной ответственности, как известно, является совершенное деяние, содержащее все признаки состава преступления, которых на данной стадии не может быть по определению. Возникает, естественно, вопрос о правомерности юридических оснований применения мер наказания за приготовление к преступлению, закрепленных в ч. 2 ст. 30 УК РФ.

Налицо опасное состояние личности, связанное с деятельностью по приготовлению к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, однако не подпадающего, если следовать требованиям ст. 8 УК РФ, под основания уголовной ответственности.

Творческий поиск превентивных правовых мер, не являющихся наказанием, для разрешения такого рода проблем обусловил процесс, в результате которого стало возможным появление нового научного направления, известного как социологическая школа уголовного права. Яркими представителями нового направления в исследовании проблем преступности являлись Р. Гарофало, Э. Ферри, А. Лист, А. Принс и другие ученые, которые опирались в своих работах на результаты естественных наук (социологии, психологии, антропологии). Наука уголовного права на протяжении всей истории ее развития, по мнению представителей отмеченного направления, основывалась на методах формальной логики, в предмет которой не входила личность преступника, что существенно ограничивало возможности научных исследований проблем преступности и выработку эффективных мер социальной защиты. Кроме того, новое научное направление известно как позитивизм, в силу особенностей его методологических подходов к исследованию. Использование результатов естественных наук, которые упоминались в тексте работы, они называли позитивным методом, что, собственно, и обусловило название термина «позитивизм», возникшего в конце XIX века. Вполне закономерно, что использование позитивного метода исследования позволило создать новую концепцию, известную в юридической литературе как меры социальной защиты, которая была представлена позитивистами как альтернатива наказанию. С позиций позитивизма прежняя модель наказания, основанная на принципах возмездного воздаяния, виновности, равенства между тяжестью совершенного преступления и мерой назначенного судом наказания, не способна защитить общество от преступности. Основная проблема классической модели наказания, по мнению позитивистов, заключалась в том, что она допускала возможность нахождения преступника в заключении и тогда, когда он по своему психическому состоянию уже более не являлся опасным для общества, или, напротив, отбывшего срок наказания, но по своим психическим свойствам еще опасного преступника, отпускают домой для того, чтобы он совершил преступление [1, с. 23–24]. Это научное направление выдвигало на первый план личность преступника, признавая ее больной в физиологическом, психическом отношении. Отсюда следовал вывод о том, что основное внимание должно быть сосредоточено не на противодействии преступности путем запугивания или перевоспитания, а на защите общества от опасных элементов [2, с. 243]. Отмеченная позиция, в основе которой лежала фундаментальная идея об опасном состоянии личности, неминуемо приводит к выводу о том, что следует отказаться от заранее фиксированного размера наказания в санкции уголовного закона и применять меры социальной защиты до тех пор, пока в этом есть необходимость.

Сама идея опасного состояния личности, которая предполагала определенные социальные меры реагирования, возникла не на пустом месте. Это было обусловлено длительной научной дискуссией между позитивистами и представителями классической школы уголовного права. Позитивисты, как известно, в основу своей концепции выдвигали тезис о неэффективности мер наказания, основанных на принципах классической школы уголовного права, предложив взамен концепцию мер социальной защиты. Позитивистская концепция этих превентивных мер, по существу, отвергала основополагающие принципы классической школы уголовного права о вине, справедливости, законности и пр. При этом влияние концепции социальной защиты на законодательную власть было настолько велико, что целый ряд европейских государств включили меры социальной

защиты в действующее уголовное законодательство в качестве альтернативы наказанию либо наряду с ним. Так, меры социальной защиты были включены в УК Испании 1928 г., УК Италии 1930 г., УК Польши 1932 г., УК Швейцарии 1937 г. [3, с. 91]. В основание учения о мерах социальной защиты, как известно, была положена идея опасного состояния личности, которая исключала вину как субъективный признак состава преступления, а потому допускала применение отмеченных мер при наличии лишь потенциальной опасности личности. Это обстоятельство было созвучно с положениями советской доктрины уголовного права, которая в 20-х годах прошлого века также исключала некоторые принципы классической школы уголовного права, в частности принцип вины. В связи с этим представляет интерес позиция А. А. Пионтковского, который еще в 1924 г. отмечал по этому поводу, что совершенное преступление является лишь симптомом опасного состояния, с которым не связывается определение уголовно-правовой санкции [1, с. 53].

Следует отметить, что позитивистская концепция мер социальной защиты оказала свое влияние и на законодательную практику советского государства. В частности, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. закрепили в качестве родового понятия «меры социальной защиты», которые были разделены на три вида: 1) меры судебно исправительного характера; 2) меры медицинского характера; 3) меры медико-педагогического характера [4, с. 178]. Аналогичные меры были включены в уголовные законы всех республик, входящих в состав СССР. Представляет интерес толкование ст. 7 УК РСФСР 1926 г., закрепляющей круг лиц, в отношении которых применялись меры социальной защиты: 1) совершившие преступление; 2) представляющие опасность по своей связи с преступной средой; 3) представляющие опасность по своей прошлой деятельности. Наказание судом применяется лишь в отношении лиц, совершивших преступление [5, с. 9]. Стало быть, в отношении двух других категорий лиц меры социальной защиты применялись не судом, а иными органами, известными как суды тройки. В этом контексте меры социальной защиты использовались советским законодательством вплоть до вступления в силу Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.

Негативные социальные последствия, наступившие в результате применения этих мер, были настолько велики, что обусловили процесс отказа от их законодательного закрепления. Не случайно, только со второй половины XX в. берет свое начало неопозитивистская концепция новой социальной защиты, родоначальником которой принято считать М. Анселя, которая не отвергала мер наказания, основанных на принципах классической школы уголовного права. Это было обоснованием новой социальной защиты, известной в зарубежном уголовном праве как концепция мер безопасности и предупреждения. Современное состояние концепции мер безопасности характеризуется тем, что они включены в систему так называемого двухколейного воздействия наряду с мерами наказания. Принципиальное различие рассматриваемых мер от наказания состоит в юридических основаниях их назначения и реализации. Например, если основанием назначения меры наказания являлось учение о составе преступления, то применение мер безопасности определяется не виновностью лица или тяжестью совершенного им преступления, а степенью опасного состояния личности, создающего определенную угрозу человеку, обществу или государству. Такая опасность, исходящая от этой личности, как известно, не может быть устранена посредством мер уголовного наказания. Профессор А. Е. Жалинский, характеризуя меры безопасности в немецком уголовном праве отмечал, что если наказание является правовым последствием совершенного ви-

новным наказуемого деяния, то меры безопасности связаны не с виной, а только с социальной опасностью субъекта деяния и могут назначаться при отсутствии вины [6, с. 292]. Стало быть, отмеченные меры имеют принципиальные отличия от мер наказания. Например, под мерами безопасности по УК Италии понимаются средства социальной защиты, предпринимаемые для осуществления превентивной функции как в случае применения их с наказанием, так и в случае раздельного их применения.

В силу отмеченных обстоятельств меры безопасности не были восприняты советской и постсоветской наукой уголовного права в качестве превентивных средств, составляющих совместно с наказанием двухколейную систему уголовно-правового реагирования на общественно опасные деяния или преступления. Н. Ф. Кузнецова, характеризуя меры безопасности в зарубежном уголовном праве, отмечала, что они не основаны на виновности, а потому не могут быть законодательной категорией; их правовая природа не совсем ясная, отдельные из них были более репрессивны, чем наказание [7]. Такая точка зрения преобладала в советском уголовном праве. Это было связано с историческим прошлым, когда меры социальной защиты применялись как альтернатива наказанию.

Не случайным является то, что в действующем уголовном законодательстве рассматриваемые меры не закреплены в качестве категории права. УК РФ 1996 г. содержит раздел, закрепляющий иные меры уголовно-правового характера, имеющие некоторые различия с мерами безопасности. Справедливости ради можно отметить, что в русском дореволюционном уголовном праве были меры предупреждения и пресечения, которые по юридической природе очень близки к мерам безопасности [8, с. 99]. В качестве примера можно привести такие меры, как административная ссылка порочных членов крестьянских или мещанских обществ; надзор, устанавливаемый в административном порядке за лицами, вредными для общественного спокойствия [8, с. 8]. В науке русского дореволюционного уголовного права меры безопасности были предметом исследования многих криминалистов, среди которых наиболее яркий след оставили А. А. Жижиленко, В. Д. Набоков, Э. Я. Немировский, Н. С. Таганцев. Так, А. А. Жижиленко посвятил этой проблеме фундаментальный труд, где показал историко-правовые тенденции и перспективу развития мер социальной защиты [9, с. 350]. Вместе с тем меры безопасности в русском праве регулировались в большинстве случаев полицейским правом [10, с. 135].

Примечательным в этом отношении является Уголовное уложение 1903 г., в котором четко закреплялись меры, которые с полным основанием можно отнести к мерам безопасности (ст. 39): 1) отдача под ответственный надзор; 2) помещение в воспитательно-исправительное заведение; 3) отдача в монастырь; 4) заключение в особые помещения при тюрьмах и арестных домах.

К числу мер безопасности также можно отнести меры, которые применялись на основании полицейского законодательства: 1) меры против личностей, опасных для общественного порядка (проституток, бродяг, нищих); 2) меры по отношению к лицам, учинившим преступные деяния или заподозренным в таковых, или по отношению к лицам, по складу занятий пригодным для преступной деятельности, в особенности для деятельности противогосударственной – к политически неблагонадежным лицам. Хотя указанные меры были закреплены в полицейском праве, тем не менее их вполне можно отнести к уголовно-правовой парадигме мер безопасности и предупреждения, поскольку в основание их применения были заложены признаки опасного состояния личности. К сожалению, следует признать, что неопозитивистская концепция опасного состояния личности в современном российском уголовном праве не получила должного разви-

тия. Вполне очевидно, что иные меры уголовно-правового характера сконструированы в действующем УК РФ не по системному принципу, предполагающему превентивное воздействие на ситуацию, связанную с опасным состоянием личности и создающую угрозу причинения вреда человеку, обществу и государству.

В зарубежном уголовном праве принципиально иное отношение к мерам безопасности, они носят превентивный характер, направленный на устранение опасности охраняемым уголовным законом объектам. Например, ст. 96 УК Испании делит меры безопасности на две группы: 1) связанные с изоляцией от общества; 2) не связанные с изоляцией от общества (запрет на нахождение и проживание в определенной местности, лишение права на управление транспортным средством, лишение лицензии на оружие, профессиональная дисквалификация и др.). Статья 42 УК Швейцарии закрепляет право суда применять интернирование, если у суда сложится убеждение в том, что осужденный, совершивший проступок, склонен к совершению преступлений. Как справедливо замечает А. Г. Кибальник, отмеченная мера является превентивным заключением лиц, склонных к совершению преступлений или проступков [11, с. 46]. Действующий УК ФРГ предусматривает в этом отношении более строгие меры, известные как превентивное заключение, которое назначается в случае осуждения лица за умышленное преступление к лишению свободы на срок не менее двух лет. Превентивное заключение применяется в отношении опасных рецидивистов, лиц с тяжкими личностными нарушениями, опасных сексуальных преступников, лиц с ограниченной вменяемостью и других категорий. В основе применения отмеченной меры лежит принцип соответствия, закрепленный в параграфе 62 УК ФРГ, который заключается в применяемой судом мере от ожидаемого деяния, а также зависит от степени опасности, которая исходит от этого лица. В этом контексте принципиально важно отметить, что иные меры уголовно-правового характера действующего УК РФ основаны на принципах, мало отличающихся от наказания. Представляется, что они могли и должны быть основаны на критерии социальной опасности личности. При этом следует подчеркнуть, что в современном правовом значении концепция опасного состояния личности не используется для характеристики наказания вместо признака виновности. Названная концепция в современных условиях нуждается в более фундаментальном научном исследовании, результаты которого должны находиться в неслучайном согласовании с принципами правового государства и прав человека. Не случайно Конституционный суд Германии приостановил применение мер превентивного заключения, указывая на проблему их некоторого несоответствия конституционным принципам прав человека.

Действующее российское уголовное законодательство включает в структуру принудительных мер, не являющихся наказаниями (разд. 6 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (гл. 15), конфискацию имущества (гл. 15.1), судебный штраф (гл. 15.2), которые в значительной степени лишь дополняют меры наказания, поскольку одним из оснований их применения является совершенное общественно опасное деяние, признаваемое судом преступлением, исключение составляют лишь некоторые принудительные меры медицинского характера.

Для иных мер уголовно-правового характера, как известно, важнейшим правовым условием является обстоятельство, согласно которому деяние, причиняющее вред охраняемым уголовным законом объектам, уже совершилось или находится в процессе совершения. Вот почему применение рассматриваемых мер в превентивных целях недопустимо. Кроме того, иные меры уголовно-правового характера могут применяться далеко не

ко всем лицам, представляющим общественную опасность или социальную угрозу причинения вреда, например, к лицам, не достигшим возраста уголовной ответственности. Справедливо будет отметить, что для разрешения такого рода проблем действующий УК РФ не имеет в своем арсенале необходимых превентивных правовых средств.

Представляется правильным решением существенное дополнение законодательного перечня иных мер уголовно-правового характера, принудительных мер воспитательно-го воздействия, изменив, естественно, их наименования, например, на меры безопасности и воспитательного воздействия. В качестве дополнения к действующим в УК РФ иным мерам уголовно-правового характера, по нашему предположению, следует включить превентивные меры: а) административный надзор; б) помещение в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа для лиц от 10 до 14 лет, совершивших общественно опасные деяния, подпадающие под признаки статей Особенной части УК РФ (по образцу ч. 2 ст. 92 УК РФ, для несовершеннолетних, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих особого педагогического подхода); в) изгнание за пределы территории РФ и запрещение въезда на территорию РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в РФ и представляющих повышенную общественную опасность или отбывших меру наказания за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления по УК РФ; г) превентивное заключение осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в помещении камерного типа (ПКТ), едином помещении камерного типа (ЕПКТ).

Административный надзор как мера безопасности и предупреждения давно применяется в российской правоприменительной практике и особо не нуждается в дополнительном теоретическом обосновании, единственно, на что следует обратить внимание, так это на включение рассматриваемой меры в действующий УК РФ в качестве превентивной меры. Отмеченная мера известна была русскому полицейскому праву как полицейский надзор, который устанавливался за лицами, представляющими определенную социальную опасность, например, политические оппоненты режима. Термин «административный надзор» в российском праве скорее указывает на отраслевую принадлежность этой меры. Более удачным наименованием указанной меры, на наш взгляд, было бы «полицейский надзор» хотя бы потому, что полицейского права как самостоятельной отрасли права в системе российского права нет.

Помещение в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа также применяется в судебной практике в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления средней тяжести, тяжкие преступления и освобожденных судом от наказания в порядке ч. 1 ст. 92 УК РФ. Представляется, что распространение этого законодательного опыта на лиц от 10 до 14 лет, совершивших общественно опасные деяния, подпадающие под признаки статей Особенной части УК РФ, во многом способствовало бы решению проблемы, связанной с превентивным воздействием на эту категорию малолетних. Как свидетельствует правоприменительная практика, именно эта категория лиц представляет повышенную опасность для общества. Не случайной является позиция отдельных авторов, предлагавших понизить возраст уголовной ответственности до 10 лет. Сам факт судебного назначения этой меры рассматриваемой категории лиц во многом будет способствовать решению проблемы, связанной с чувством безнаказанности у малолетних за свои поступки. Известно, что если проступки подростков не получают своевременной правовой или нравственной оценки, то у них может быть сформирован комплекс вседозволенности. Формирование элементарных

навыков ответственности за свои поступки начинается в малолетнем возрасте, когда закладываются нравственные основы будущей личности.

Изгнание за пределы территории РФ и запрет на въезд на территорию РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих в РФ и представляющих повышенную опасность для окружающих или отбывших наказания за совершение тяжких или особо тяжких преступлений по уголовному законодательству РФ, следует признать превентивной мерой действующего УК РФ. Это обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что данная категория лиц пополняет число криминальных «рекрутов» и может быть использована организованной преступностью по образу «землячеств».

Превентивное заключение в ПКТ (ЕПКТ) – новое предложение, которое ранее на научное обсуждение в таком аспекте не ставилось. Суть его состоит в том, что УИК РФ закрепляет такую меру дисциплинарного взыскания, как водворение в ПКТ (ЕПКТ), которая по своей правовой природе является более строгой, чем мера наказания, назначаемая по приговору суда. Отсюда следует вполне справедливый вопрос: почему мера дисциплинарного наказания, применяемая за дисциплинарные проступки, является более строгой мерой, чем мера наказания, применяемая за совершенное преступление? При этом водворение в ПКТ (ЕПКТ) применяется решением администрации исправительного учреждения, а не судом. В связи с этим следует обратить внимание на то обстоятельство, что отмеченная мера дисциплинарного взыскания более глубоко вторгается в сферу правовых благ осужденного. По существу, это есть тюремное заключение, которое по своим правовым признакам в большей степени соответствует содержанию осужденного в исправительной колонии особого режима или в тюрьме. Предложение состоит в изменении правовой природы водворения в ПКТ (ЕПКТ) – из меры дисциплинарного взыскания в категорию превентивных мер, обеспечивающих безопасность осужденных и персонала исправительного учреждения. Вторым важным обстоятельством является то, что эта превентивная мера должна назначаться по решению суда, а основанием ее применения должно быть заключение соответствующей комиссии, состоящей из сотрудников исправительных учреждений. При этом назначенная судом мера превентивного заключения в ПКТ (ЕПКТ) не может являться мерой дисциплинарного взыскания, а потому не должна засчитываться в срок отбывания наказания осужденному. Другое дело, что срок превентивного заключения не может, по нашему мнению, быть более трех лет. Повторное применение этой меры возможно, на наш взгляд, лишь в случае особо опасного состояния личности осужденного, требующего интенсивного надзора за поведением по основаниям агрессивности и опасности для окружающих.

В завершение необходимо отметить, что институт иных мер уголовно-правового характера в современной российской юридической науке является наиболее проблемным из всех институтов этой отрасли права. Вполне очевидно, что принципы конструирования иных мер уголовно-правового характера в действующем уголовном законодательстве тождественны институту наказания. Не совсем понятен в этом отношении замысел законодателя, когда общественная опасность лиц, например, нуждающихся в психиатрическом лечении, входит в предмет уголовно-правового регулирования (гл. 15 УК РФ), а общественная опасность лиц, не достигших возраста уголовной ответственности и совершивших деяния, подпадающие под признаки статей Особой части УК РФ, нет. Решение поставленной в статье проблемы видится в развитии учения об опасном состоянии личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пионтковский А. А. Уголовное право РСФСР. Часть общая. М., 1924. 235 с.
2. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. 591 с.
3. Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. 311 с.
4. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.) М., 1938. 372 с.
5. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. М., 1944. 340 с.
6. Жалинский А. Е. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. 560 с.
7. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. СПб., 2003. 832 с.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. 419 с.
9. Жижиленко А. А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг., 1914. 676 с.
10. Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897. 702 с.
11. Кибальник А. Г. Основные положения Общей части уголовного права зарубежных стран. М., 2008. 128 с.

References

1. Piontkovsky, A. A. 1924, *Criminal law of the RSFSR. The general part*, Moscow.
2. Ferry, E. 1908, *Criminal sociology*, Moscow.
3. Ansel, M. 1970, *New social protection*, Moscow.
4. *Collection of materials on the history of socialist criminal legislation (1917–1937)* 1938, Moscow.
5. Trainin, A., Menshagin, V. & Vyshinskaya, Z. 1944, *The Criminal Code of the RSFSR, Commentary*, I. T. Golyakova (ed.), Moscow.
6. Zhalinsky, A. E. 2004, *Modern German criminal law*, Moscow.
7. Kuznetsova, N. F. 2003, *Selected works*, St. Petersburg.
8. Tagantsev, N. S. 1994, *Russian criminal law, Lectures, General part, in 2 vols*, vol. 1, Moscow.
9. Zhizhilenko, A. A. 1914, *Punishment, Its concept and difference from other law enforcement tools*, Petrograd.
10. Tarasov, I. T. 1897, *An essay on the science of police law*, Moscow.
11. Kibalnik, A. G. 2008, *The main provisions of the General part of the criminal law of foreign countries*, Moscow.

Информация об авторе

К. А. Сыч – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

K. A. Sych – Sc.D (Law), Professor, professor of Criminal Law Department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 22.05.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 10.03.2024; accepted for publication 22.05.2024.